

Евгений ДЕМЕНОК

Он стоял у порога в своём чёрном мундире с золотыми эполетами, взяв под мышку красный кивер с султаном, и не только взгляд, но даже поза его выражала неодобрение.

— Бесстыдница, — думал он. — Разве можно сидеть в таком виде? Нога на ногу, одежда разбросана, грудь обнажена... Да что там грудь — она полностью обнажена! И этот игривый взгляд... Ведь стыдно же, стыдно! Я физически ощущаю его — этот стыд. А она, я уверен, его вовсе не ощущает. И как можно? Ведь в зал могут в любой момент войти люди и увидеть её — такую!

Он собрался уже было высказать ей всё это, но слова замерли, так и не сорвавшись с его уст.

ВИРСАВИЯ

— Чёрт побери, но как же она хороша! — думал он. — Кожа словно светится изнутри. Длинные руки с красивыми пальцами. Каштановые волосы струятся по плечам. А грудь... Дай мне волю — я никогда бы не отрывался от этой груди. И этот взгляд... За него можно простить многое. Да что там многое — всё.

— Наконец-то он вернулся! — думала она, поднимая одной рукой густые, тяжёлые каштановые волосы, а другой поправляя обруч, пытающийся их удерживать. — Как же он хорош в этой парадной форме! Эполеты, аксельбан-

ты, ордена... А эти залихватски завитые вверх кончики усов! И как он смотрит — осуждающе и одновременно с восхищением. Верно, он сердится — думает, что в зал могут войти люди. А ведь я специально не одевалась, чтобы он увидел меня такой. Увидел и вспыхнул страстью...

Она уже хотела сказать ему это, но вдруг замерла. В зал вошли люди.

— Боже, как же она хороша! — воскликнул мужчина, глядя на её налитую грудь и прозрачную белую кожу. — Я много слышал

о ней, но даже не представлял, что она настолько совершенна! И эта страсть во взгляде!

— Она словно хочет, чтобы её увидели такой. Увидели и восхитились, — произнёс зачарованно второй мужчина.

— Нет слов, она прекрасна, — сказала женщина, вошедшая в зал вместе с мужчинами. — Но взгляните и на него. Этот горделивый взгляд, воинская выправка, залихватские усы... Настоящий, всамделишный герой!

— Портрет графа Перовского действительно хорош, — произнёс первый мужчина. — Но мы приняли решение переместить его в другой зал. А "Вирсавию" оставим здесь. Нет, право же, она чудо как хороша. Глаз не отвести.

ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА ПИСАТЕЛЬСТВА

Через искусство возникает то, формы чего находятся в душе.

Аристотель.

Хочешь быть философом — пиши роман.

Альбер Камю.

В любом сопоставлении обожаемого мною Платона с Аристотелем я приму сторону Платона, за исключением одного вопроса — вопроса об искусстве.

На мой взгляд, искусство — не просто отражение реальности. Не "тень теней".

Искусство — это стремление к идеалу.

"Невозможно, чтобы в действительности были такие люди, каких изображал Зевксид; но так изображать лучше, потому что образец должен стоять выше действительности", — писал Аристотель в "Поэтике".

Начиная с Аристотеля литература — это не просто мимесис, а искусство возможного.

"Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. Вследствие этого поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история — частное".

А иногда литература — даже искусство невозможного.

"Невозможное, но вероятное следует предпочитать тому, что возможно, но невероятно". При этом "вообще невозможное необходимо ставить в связь с целью произведения, со стремлением к идеалу".

А, собственно, что такое невозможное, и существует ли оно? Ведь любое помысленное уже есть возможное.

Большинство технических новинок и достижений сегодняшнего дня было описано писателями-фантастами прошлого века.

Какой ещё из видов искусств, кроме литературы, способен моделировать будущее и непосредственно влиять на него? И какой из видов искусств ближе всего к философии?

Не зря Хорхе Луис Борхес называл философию разделом фантастической литературы, в которой существует взаимное сопряжение уникального звучания и многоголосия.

Вообще "большая" философия сегодня теснейшим образом переплетена с литературой. Новейшая русская философия (Лотман, Мамардашвили, Пятигорский) случилась не в лоне русской религиозной философии, а именно в литературе. В Европе и Америке в XX веке именно литература в лице Борхеса, Кафки, Джойса и Пруста приняла эстафету от философской классики. Границы между наукой, философией и искусством были ликви-

дированы, и Альбер Камю объявил ложным противопоставление искусства и философии. Он призвал "писать роман, философствуя" — вместе с Теодором Драйзером, Фридрихом Дюрренматтом, Симоной де Бовуар. Андре Моруа писал: "Мы стремились философию сделать литературой, а литературу — философией".

Собственно, вся постренессансная философская мысль Франции — от Монтеня до Жюль Делёза — относится к компетенции литературы, а в словах Альбера Камю "Хочешь быть философом — пиши роман" сконцентрирован многовековой опыт французской ментальности. А ведь именно французы задали в прошлом веке основной тренд в философской мысли.

Наличие двухсторонней — именно двухсторонней — связи между философией и литературой сегодня настолько очевидно, что, например, философ Бертран Рассел получил Нобелевскую премию именно по литературе — за работу "Брак и мораль", ибо по философии Нобелевская премия не предусмотрена.

Новейшая европейская философия, а вместе с ней и литература предлагает модель человека, сущностью которого объявляется свобода творить самого себя. Наиболее мощным орудием творения является слово, очевидность которого и демонстрировала литература.

А ведь именно Аристотель впервые назвал автора творцом.

Иногда мне кажется, что Вселенная гибко меняется вслед за изменениями наших представлений о ней. Что это не одно-, а двухсторонний процесс. Окружающий мир влияет на нас, мы влияем на него.

И люди творческие влияют в первую очередь.

В этом и предназначение человека как со-творца, и его ответственность.

Что будет сотворено? Какая мысль, какой образ выйдут из-под пера автора в окружающий мир? Это зависит от его "внутренности", от его мировоззрения, от его философии.

Ранее я употребил термин "большая философия", понимая его как собственно совокупность существующих философских учений.

Но "большая" философия складывается из совокупности "малых" философий, каждая из которых является чьей-то индивидуальной философией, мировоззрением, взглядом на мир.

Именно эта философия является у настоящих авторов основой их писательства.

Джек Лондон написал когда-то замечательное эссе "О писательской философии жизни", в котором он описывает разницу между ремесленниками и настоящими писателями.

"Они начинали с того же, с чего вместе с ними начинали и другие, оказавшиеся впоследствии неудачниками, в наследство им достался все тот же мир с теми же банальными традициями", — пишет он о великих авторах. "Но их от неудачников отличало одно: они черпали прямо из источника, отвергнув материал, прошедший через чужие руки. Из мира и его традиций (иными словами — из человеческой культуры и знаний) черпали они, как из первоисточника, необходимый материал для создания собственной философии жизни".

И далее: "Такая философия была у каждого пользовавшегося продолжительным успехом писателя. У такого писателя есть особый, исключительно его собственный взгляд на вещи. Некая мера или набор мер, которыми он мерит все, что попадает в поле его зрения. Руководствуясь этой философией, он создает характеры и делает те или иные обобщения".

Аристотель в "Поэтике" давал "советы поэта", как следует писать трагедии: необходимо ясно представлять и переживать само то, что изображает поэт.

Джек Лондон вторит ему: "Необходимо понять, что такая рабочая философия дает писателю возможность вкладывать в свой труд не только себя, но и то, что им рассмотрено и оценено, преломлено через его "я". Вышеказанное особенно ярко иллюстрируется на примерах гигантов интеллекта, знаменитого триумвирата — Шекспира, Гёте, Бальзака. Каждый из них был до такой степени самим собой, что невозможно даже проводить между ними сравнение. Каждый черпал из своей собственной кладовой, собственной рабочей философии. И в соответствии со своими собственными идеалами создавал свои произведения".

А на вопрос о том, стоит ли каждому мыслящему человеку философствовать — или отдать это право профессионалам, прекрасно ответил один из лучших романистов XX века, давший в своём романе "Волхв" восхитительное описание Греции, Джон Фаулз. "Сейчас повсеместно в ходу очень модное мнение, что философию следует оставить философам, социологам — социологам, а смерть — мертвецам. На мой взгляд, в этом одна из величайших ересей — и деспотий — нашей эпохи. Я решительно отвергаю точку зрения, будто бы о вещах, касающихся всех и каждого (как то смысл жизни, природа справедливого общества, естественные пределы человеческого существования), только специалист вправе иметь своё суждение — причём только в рамках своей узкой специализации", — пишет он в предисловии к своей философской книге "Аристос".

И далее: "Главная причина неудовлетворённости, которая довлеет над нашим столетием, (...) как раз в том и состоит, что мы всё больше упускаем из виду наше неотъемлемое, данное нам от рождения первейшее право человека: иметь своё, самостоятельно сформулированное суждение по поводу всего, что нас так или иначе касается".

Любая настоящая литература проходит сквозь призму, сквозь фильтр ценностей автора. Сквозь его мировоззрение и философию.

Я упомянул ранее о двухсторонней связи философии и литературы. Точно так же, как философия становится основой литературы, так и литература становится основой философии — той внутренней философии, которую человек думающий возвращает в себе всю жизнь. А ещё по-настоящему глубокая литература учит мечтать. Открывает горизонты. Человек устроен так, что развивается до уровня своей мечты. И чем выше этот уровень — тем выше человек. А настоящий уровень мечты могут дать только хорошие родители, мудрые друзья и правильные книги.

В мире есть материя и наши представления о прекрасном.

Изменять материю, в том числе — материю души, делая из неё прекрасное — вот настоящая жизнь.

Природа позволяет нам возделывать и украшать её. Природа позволяет нам возделывать и украшать себя. Не говорит ли это о том, что возделывать и украшать — назначение человека?

Всю свою жизнь мы познаём. Попытка приподнять завесу, отделяющую нас от тайны бытия, — занятие для лучших из нас. Что может быть слаще, мучительнее, блаженнее и беспокойнее этого?

Кто мы? Зачем мы? Иногда мучительная, иногда восторженная попытка понять мир и Божественный замысел высекает в самых чувствительных из нас искру вдохновения.

Наши представления о прекрасном меняют плоть и материю. Резец скульптора высекает шедевр из глыбы камня. Перо писателя создаёт шедевр из массы слов, растворяя свою плоть в плоти текста.

Творчество — наш шанс на бессмертие. Творчество — наша попытка поднять себя до уровня Творца. Зачем и как можно жить иначе?

Творчество — это Божественный акт. Это путь, приближающий нас к Богу. А что есть философия, как не попытка понять Божественную природу? Попытки эти рождаются в душе трепет волнения и желания поделиться своими находками. Это и есть основа писательства.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org